

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:

Сатиры без боли не бывает

Моск. правда - 2004 - 28 янв. -

С. 1, 8

Начало на 1-й стр.

Михаил Михайлович, у одного из ваших коллег по перу есть такая грустная шутка: «Раньше выпустил книгу - мог квартиру купить, сейчас выпустил книгу - можешь за квартиру заплатить». Скажите, можно ли сейчас прожить только писательским трудом?

Мне кажется, это вопрос не из разряда умных. Какое наше с вами дело, как живется писателю? Он сам должен разбираться, как ему жить, в этом, в общем-то, и заключается принцип свободы. Раньше было 10000 членов Союза писателей. Их выращивали, кормили, собирали вместе, они отправлялись шеренгой за пайком, шапками, дачами. Многие из них и по сей день живут в районе станции метро «Аэропорт». На рынке, в магазине, в поликлинике - там всегда можно встретить какого-нибудь писателя. Всюду очереди из одних писателей. Не знаю, нравится ли вам такое: мне - нет. Писательство должно становиться профессией только после того, как твои книги стали покупать. А до этого работай сторожем или на овощной базе. Кстати, я до того как у меня пошел спектакль у Райкина, работал в одесском порту.

Как-то вы сказали, что наше общество поглупело. Как вам кажется, в таком обществе не поглупела ли и сатира?

Вы правы, я даже не знаю, что сказать. Количество смеющихся в нашей стране и количество юмора превышает все пределы. Жанр живет нездоровой опухолью. Наверное, в этом проявляется рыночная система. Как при рынке можно что-то запретить? Непонятно. Хочу ли, чтобы было столько пошлости? Нет. Хочу ли появления цензуры? Тоже нет. А как же тогда надо жить? Не знаю, исам не нахожу выхода. Может быть, телевизионщики, которые за все это платят, с помощью какого-нибудь художественного совета должны направить поток закупаемого ими юмора чуть-чуть в другую сторону.

Вы думаете, они на это способны, ведь рейтинг - это реклама, то есть живые деньги!

Наверное, не способны, да и я не стану их призывать. Ведь не буду же я их, или юмористов, или кого-либо еще, призывать перестать зарабатывать деньги? Но для себя я такую формулу выработал: моя

задача - заработать, а цель - что-то сказать. Поэтому если не говорю что-то важное для себя, то я не желаю таким образом зарабатывать деньги. Я считаю, что сатиры без боли не бывает. Может быть, я не до конца понимаю, чего бы мне хотелось, но в принципе я знаю кому сострадаю.

Как вам кажется, почему сейчас нет яркой политической сатиры?

Думаю, таланта у пишущих мало, да и особо ярких политических деятелей не видно. Хотя в художественной литературе есть попытки сделать что-то подобное. Например, роман «Кысь» Татьяны Толстой чем-то похож на политическую сатиру. А может быть, жанр политической сатиры актуален при тоталитаризме, царизме. А что такое сатирик в условиях полной демократии, когда ты в своей газете вполне открыто можешь топить кого угодно, я не понимаю.

А не является ли это следствием того, что в нашей стране начинают закручивать гайки?

Да, гайки становятся туже. Это видно хотя бы по тому, как резко последние известия на Первом или Втором канале отличаются от последних известий на НТВ. Раз так, значит, дело плохо. Но никаких конкретных прогнозов делать я не буду.

Скажите, а вы сейчас не вспоминаете с ностальгией времена, когда ваши выступления полулегально проходили в «ящиках» и прочих закрытых учреждениях, и полстраны смотрело на вас, как на Бога?

Если бы я думал только о своем успехе, то подполье действительно изумительное время. Ведь тогда не обязательно было писать что-то художественное, достаточно было быть чуть смелее, и ты имел полное обожание, твои слова переписывали, повторяли и так далее. Но если думать о жизни, то теперешняя, на мой взгляд, в сто раз лучше той, где у меня был феноменальный успех и популярность, и я не хочу туда обратно. Даже если все там будут говорить моими словами, которые я сам уже перестану узнавать. Сейчас между мной и листом бумаги никого нет. Раньше между нами стояла такая шеренга!

Как-то вы признались, что во время одного из подобных выступлений читали свои монологи

для гэбэшников, среди которых был и Путин.

Точнее, это он мне сказал, что помнит мое выступление в ДК Дзержинского в Ленинграде. Дворцом культуры МВД заведовал некий полковник Ронкин, как ни странно, еврей, под крылышком которого в городе на Неве расцветала довольно смелая по тем временам сатира. Помню, проходил какой-то концерт, в честь то ли какого-то юбилея, то ли какого-то советского праздника. Я прошел за кулисы, и тут мне стало интересно, сколько в зал пришло народу: отодвинул тихонько занавес и смотрю в щелочку. И тут слышу, как кто-то приблизился ко мне сзади и спокойно так говорит: «Михал Михайлыч, не пытайтесь нас запомнить!» Я сразу же спрашиваю: «А какой праздник у вас? Что почитать?» Чекист положил руку мне на плечо и тихо так отвечает: «Читайте что угодно, будет приказ - все равно не спрячешься». Я читал достаточно вольные для тех лет вещи, и они смеялись! При этом у меня было полное ощущение безопасности. Я не был диссидентом, хотя все время балансировал на грани. Другое дело, когда я выступал перед народом, никакая антисоветчина мне не прощалась, а перед ними - пожалуйста.

Из ваших слов я понял, что с Владимиром Путиным вы общаетесь лично.

Нет, мы встречались с ним только два раза. Сначала, когда я получал звание заслуженного деятеля искусств и затем - во время вручения мне премии президента.

И какое же впечатление у вас осталось после личного общения с президентом?

Особенно продолжительного общения у нас не было, так, всего несколько минут для вопросов-ответов за бокалом шампанского. Ну, а личное впечатление... Скажите, ну какое может быть личное

Фото Б. ДОМАТОВСКОГО.

впечатление от человека, закончившего потрясающий курс в разведшколе? Он и не должен быть особо обаятельным, не должен привлекать внимание и выделяться. Но в Путине мне нравится рекомендация Собчака, которого я очень любил. Вот эта общая точка, где мы с ним сходимся. Правда, сейчас на душе у меня как-то скверно. И последние события в политике говорят о том, что вчерашний день для нас может оказаться светлым. Вот посадки какие-то настораживающие начались. Такое ощущение, что мы опять собираемся вокруг одного человека и спрашиваем друг друга, что он собой представляет, начинаем надеяться на его личные качества. Что он как гарант защитит от кода, собравшегося в парламенте, и так далее. Раз так, значит, демократия кончилась. Ведь на самом деле гарант не он, а мы. Это мы должны быть такими, чтобы нас не надо было защищать, но пока наше общество напоминает скорее стадо, которое можно вырезать по одному.

Что вы делаете, когда во время выступления видите, что зал ваш юмор не понимает?

Я вынимаю из своего портфеля папку и начинаю в ней шарить в поисках зала. Вынул из середины - молчат, тогда вынул снизу - вот они здесь сидят: расхохотались. Я

не просто люблю успех, я должен в нем жить. Как говорил один из моих администраторов: для человека, выходящего на сцену, не бывает успеха коммерческого или некоммерческого, для каждого выступающего перед публикой успех должен быть правилом.

Сами собой вспоминаются ваши слова: «Я не знаю другого способа выразить себя, как работать на зал».

Да, к сожалению, именно так. Это глубоко порочный метод, но привитый мне Райкиным. В общем, спасибо товарищу Райкину за наше счастливое детство.

Недавно вы признались, что одним из самых совершенных творений Господа считаете стройные женские ножки. Вы до сих пор к ним неравнодушны!

Да, это действительно так. Я даже и не знаю, что в природе может с ними сравниться. Вот посмотрел на это произведение искусства, оглянулся, глубоко вздохнул, вздрогнул. Потом при более подробном общении акценты переносятся на другое, и внешние данные, к которым привыкаешь за десять минут, несколько нивелируются, но все равно на красивых женщин на улице я до сих пор оборачиваюсь.

Рассказывают, что в молодости вы соблазнили женщин с помощью голоса Владимира Высоцкого.

Ну, да... Это было в годы моей работы у Райкина. Я жил в однокомнатной квартире довольно далеко от центра Ленинграда. Если не ошибаюсь, рубль девяносто пять на такси. Мне было где-то под сорок, то есть самый подходящий возраст, плюс одинокое существование. Маленький холодильник, двухкомфорочная плита с небольшой духовочкой, мебель от поклонника - директора мебельного магазина. В кабинете в нише стоял вечный разложившийся диван-кровать, письменный стол и шкаф. Главной достопримечательностью кабинета являлся новейший по тем временам музыкальный центр, в который заряжалось сразу же по 10 пластинок. У меня имелся набор всей популярной для того времени музыки, и в том числе, это уже для окончательного добития, одна из первых легальных пластинок Высоцкого «Кони привередливые». И вот забредало ко мне, разумеется, без моей помощи, какое-нибудь

очаровательное создание. С популярностью Высоцкого тогда ничего не могло сравниться. Поставив его пластинку, я как бы невзначай говорил, что вот мы с Высоцким дружим (это было абсолютной правдой) и нет ничего проще, чем поговорить с ним по телефону. «Как, вы действительно дружите?» - восклицала моя гостья. Я звонил Высоцкому: «Володенька, мы тут с Ларисой сидим, выпиваем и я поставил твою пластинку...» Он, не дослушав меня, говорил: «Дай ей трубку». И уж не знаю, что он рассказывал обо мне, но, видимо, что-то хорошее...

И крепость падала!

Да, всегда, потому что сразу же такой восторг на меня переносился: «Ну надо же, а я и подумать не могла». К тому же я звонил в Москву, и это тоже производило впечатление. Я не хочу выглядеть бабником, хотя до сих пор очень люблю женщин, но так как раньше не расплылся, образно говоря, больше не сею по ветру. А то знаете, как в жизни бывает: мало того, что ты сам разбрасываешься, так еще и ветер подхватывает, и все это всходит не только здесь, но и в Америке, Израиле и других совершенно неожиданных для тебя странах.

То есть сейчас на посторонних женщин вы больше не разбрасываетесь!

И у меня для этого куча причин. Я женат и очень дорожу тем, что есть сейчас. И совершенно серьезно говорю, что не хочу, чтобы из-за какой-то случайности все, что я так долго выстраивал, рухнуло. Правда, иногда, конечно, приходится очень непросто. Особенно когда приходит ваш брат-журналист в коротенькой юбочке, обтягивающей кофточке и начинается: «Михал Михайлыч, а как вы считаете...» Удержаться очень сложно.

Ощущение семейного счастья для вас много значит!

Ощущение семейного счастья складывается из твоего ума и ума того, кто живет рядом с тобой. Из того, что ты вдруг находишь поддержку, особенно когда ее не ждешь, переживание за тебя, и опять же, когда не ждешь, потому что, когда ждешь - это не так интересно. И вдруг на фотографии, которую тебе передают знакомые, ты видишь, с какой любовью на тебя смотрят. В момент съемки ты ничего не заметил и вдруг обнаруживаешь такую любовь, обожание и преданность, от которой приходишь в неуравновешенное состояние. Наверное, это и есть то самое семейное счастье, о котором вы меня спрашиваете.

Беседовал
Александр
СЛАВУЦКИЙ.